

Юрий Шикалов

Деятельность финской лютеранской церкви в Беломорской Карелии в начале XX века

В последний год XX столетия группа финских студентов-этнографов проходила полевую практику в деревне Панозеро, расположенной в самом сердце Беломорской Карелии. По окончании практики на пути домой группа сделала остановку в деревне Юшкозеро, где на берегу реки строилась новая церковь. За строительством наблюдал молодой священник. Один из студентов спросил его, получают ли местные жители помощь от финской церкви? Реакция батюшки на вопрос была неожиданной и бурной. «Какое дело финнам до здешних карел? — звенел раздраженный голос святого отца. — Эта земля всегда была, есть и будет землей российской православной церкви!» И еще в течение четверти часа в духе пламенной проповеди.

Молодой священник был прав, но лишь отчасти. Если бы он ознакомился подробнее с прошлым Беломорской Карелии, то обратил бы внимание на то, что положение русской православной церкви в этих местах далеко не всегда было устойчивым и безоговорочно авторитетным. Одним из самых кризисных периодов для православной церкви в Российской Карелии было время реформ 1905–1907 гг. Реформы обнажили истинное состояние православной церкви в карельских областях и заставили церковное руководство задуматься о дальнейшей судьбе православия в Карелии. Особенно остро кризис проявился в приходах Беломорской Карелии, где в борьбу за «души карел» включилась финская лютеранская церковь.

От фенномании — к панфиннизму: предыстория «карельского вопроса»

Беломорская или — как ее еще называли — Архангельская Карелия являлась задворками Российской империи. В свете национальной политики России, основывавшейся в конце XIX — начале XX в. на принципах русского этноцентризма, карелы представлялись типичными «инородцами». Оторванность от промышленных центров, отсутствие путей сообщения, незнание русского языка, самобытная культура — все это делало обитателей Беломорской Карелии «полудикими» в глазах русского обывателя. Русская православная церковь

считала этот край особенно проблемным, поскольку население его было сильно «заражено» расколом, да и считавшиеся православными прихожане-карелы в массе своей относились весьма прохладно к церковной жизни. По всей видимости, приходы Беломорской Карелии так и остались бы «забытыми Богом» местами ссылки для спившихся семинаристов и священников, если бы не события 1905 г., показавшие, что православие в карельских селах отнюдь не находится в безопасности. Угроза пришла с запада, из Финляндии.

Интерес финнов к «братьям по крови», российским карелам, появился не вдруг, а формировался постепенно в течение всего XIX столетия на фоне общеевропейских событий. В первой половине XIX в. в Европе, приходящей в себя после потрясений Наполеоновских войн, наблюдается пробуждение национального самосознания народов. Так, например, в среде славянских народов возникают «славянофильские» идеи, провозглашавшие единство всех славянских народов¹. Националистические течения не обошли стороной и Финляндию. В первой половине XIX в. для пробуждающегося финского национального самосознания основной идеей становится идея «единого финского племени», так называемая фенномания, тождественная идее панславизма в восточноевропейских национальных движениях. Основателем фенномании считается финский государственный деятель, философ и писатель Йохан Вильгельм Снельман. Идеологами объединения всех финских племен становятся литераторы Сакариас Топелиус и Август Алквист. Если в идеях Снельмана еще отсутствуют экспансивные настроения, то в произведениях Алквиста уже открыто звучал призыв к созданию единого «Финского государства», отделенного от России и объединяющего в своих пределах все «финские племена»².

М. А. Витухновская, изучившая национальную политику России в отношении карельского народа, пишет в своей монографии, что «процессы формирования национального самосознания, движения к „национальному самоопределению“ заразительны, они имеют свойство распространяться, как цепная реакция»³. Во второй половине XIX в. в связи с возросшим национальным самосознанием финские националисты уже не ограничивались пределами своего государства, а стремились распространить идею «Великой Финляндии» за счет «братьев по племени», проживавших за пределами восточной

¹ *Sihvo H.* Karjalan kuva. Helsinki, 1973. S. 117.

² *Ibid.* S. 117, 119–120.

³ *Витухновская М. А.* Российская Карелия и карелы в имперской политике России, 1905–1917. СПб., 2006. С. 21.

границы Великого княжества. В свою очередь имперская политика России не допускала и мысли о том, чтобы «иностранцы» остались вне сферы влияния российских светских и духовных властей. Таким образом, беломорские карелы оказались вовлеченными в круговорот националистической борьбы.

Особенно остро эта борьба проявилась в 1905–1907 гг. в религиозных кругах. В финских газетах и журналах начинают появляться статьи с призывами идти на помощь «к братьям-карелам, блуждающим во тьме культурного и религиозного невежества». В статьях подчеркивалось, что карелы – это «родное племя финнов» и финны, как старшие братья, обязаны наставлять их на путь истинной веры¹. Призывы финской печати дали свои результаты – в деревнях Беломорской Карелии начали появляться финские проповедники. Финская лютеранская церковь перешла к активным формам борьбы за «карельские души», что, в свою очередь, вынудило российскую общественность и православную церковь организовать деятельность по защите Карелии от «угрозы панфиннизма»².

Почва для деятельности финских проповедников готова

Нельзя сказать, что жители Беломорской Карелии были совсем не знакомы с лютеранской верой до начала XX в. Зависимость этого региона от Финляндии была настолько велика, что влияние западного соседа прослеживалось во всех сторонах жизни беломорских карел – от экономики до духовной культуры. Особенно это влияние усилилось во второй половине XIX столетия, когда хозяйственная деятельность беломорских карел претерпевала значительные изменения. Запрет подсек и стремление русского правительства перевести хозяйства карельских крестьян на полевое земледелие привели к тому, что многие карелы попросту отказались от попыток выращивать свой хлеб на скудных полях и обратились к другим формам ведения хозяйства, в первую очередь торговле. Бывшая и ранее весьма распространенной в Беломорской Карелии разносная торговля в Финляндии теперь приобрела огромное значение в экономической жизни карельских крестьян. Особенно это проявляется в западных и центральных районах Беломорской Карелии. К началу XX в. здесь трудно было найти семью, мужчины которой не ходили бы торговать в Финляндию. Нередко торговцы приводили домой и жен из финских семей.

¹ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13. С. 402–412.

² Витухновская М. А. Указ. соч. С. 129.

Это было естественно, поскольку молодые карелы проводили много времени в Финляндии, и, кроме того, брак с финской подданной давал определенные выгоды в торговых делах¹.

А. В. Эрvasti во время своего путешествия в Беломорскую Карелию встретился в деревне Ювалакша с вдовой, бывшей родом из Финляндии. Женщина эта вышла замуж за карельского торговца и ко времени описанной встречи прожила в Карелии уже около 15 лет, приняв православие. Эрvasti предполагает, что случай этот был не единственным². Действительно, некоторые финские женщины, переселившись в Российскую Карелию, меняли вероисповедание. Тем не менее переход из лютеранства в православие был скорее исключением, чем правилом. В этом не было никакой особой необходимости, поскольку русская православная церковь допускала заключение браков православных с лицами других христианских конфессий³. Не удивительно, что по данным церковных книг 1900 г. в приходах Беломорской Карелии насчитывалось 90 жителей лютеранского вероисповедания, из которых 88 были финские женщины⁴.

Финские жены-лютеранки не представляли, однако, никакой опасности для православной церкви в Беломорской Карелии. Гораздо опаснее в этом отношении было то, что карелы, ходившие торговать в Финляндию, отлично понимали финский язык и поэтому проповеди, проводимые лютеранскими пасторами, были им, несомненно, более понятны, чем богослужения на старославянском языке в церквях родных деревень. Как отмечал анонимный автор из Вокнаволоцкого прихода, «необходимость подолгу жить в Финляндии приводит карел к тому, что знание финского языка является для них насущной потребностью, ибо без знания финского языка карел в Финляндии не может заработать даже одного пенни. Ввиду такой нужды в знании финского языка местные карелы рано берут детей из школы и отдают в финскую, часто не православную и с нерусским направлением. Употребление финского языка... является настоятельно необходимым для удовлетворения религиозно-нравственных нужд прихожан... Богослужения по-славянски здешние карелы вовсе не понимают»⁵.

¹ Chikalov J. Karjalan Paavon Karjala. Исследование на соискание степени лицензиат философии. Рукопись. Университет г. Йюэнсуу, 2001. С. 135–137.

² Ervasti A. V. Muistelmia matkalta Venäjän Karjalassa kesällä 1879. Helsinki, 2005. S. 219.

³ См. например: Устав Духовных Консistorий. 1874. С. 379–380.

⁴ Chikalov J. Kuinka Vienassa uskottiin Jumalaan? // Karjalan heimo. 2000. N 7–8, С. 96.

⁵ N. Вокнаволоцкий приход // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 5. С. 139–140.

Несколько другого мнения на счет языка был священник Иоанн Чирков из Ухтинского прихода, центрального в Беломорской Карелии. Он писал, что «в глазах самих финляндцев, когда они отрешаются от политики, православные карелы, живущие как в пределах Империи, так и в пределах Финляндии, настолько по языку отличаются от финнов, что финские книги им непонятны, а книги, написанные на карельском языке, должны быть отпечатаны для них русскими буквами». Чирков ошибался, как, впрочем, ошибались и те финские деятели, на мнение которых священник опирался в своем заключении. Тем не менее и ухтинский священник бил тревогу по поводу «офинения» карел, отмечая, что «если стремления к офинению карела ведут его и к лютеранству, то, для удержания карел в православии, ни под каким видом нельзя допускать между ними ни финских школ, ни богослужения»¹. А псаломщик Михаил Ручьев писал из Тунгудского прихода, что прихожане, побывавшие в Финляндии, к православию относятся «рассеянно», а отдельные личности «с роду ездившие в Финляндию» и вовсе «не признают постов, святых и даже отрицают бытие Бога»².

Действительно, как можно было ожидать глубокой привязанности к православию в приходах, где прихожане не понимали ни слова из богослужений, а церкви напоминали, скорее всего, заброшенные сараи, чем храмы. Вот, например, описание Вокнаволоцкой церкви: «маленькая, с прогнившей крышей, покосившейся главой... В храме теснота достигает, кажется, своего предела, а холод повсюду напоминает заброшенную, старую часовню». Автор этой безрадостной картины совершенно справедлив в своих умозаключениях: «Можно ли после этого ожидать, чтобы совершаемое в храме богослужение производило на народ должное впечатление? Можно с достоверностью показать, что впечатления благоустроенной лютеранской кирки, с могучими звуками церковного органа, легко получают преобладание в ряду религиозных впечатлений, получаемых корелом, и последний невольно задумается, да не выше ли и в самом деле вера лютеран»³.

Да и сами священники, служившие в приходах Беломорской Карелии, были далеки от идеала духовного пастыря. «Архангельские Епархиальные Ведомости» давали им следующую характеристику: «Дети священно-церковнослужителей, присматриваясь к жизни своих ро-

¹ *Св. Иоанн Чирков*. Съезд окружного духовенства Карельских приходов // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 19. С. 644.

² *Псаломщик М. Ручьев*. Тунгудский приход // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 15. С. 501.

³ *Н. Вокнаволоцкий приход*. С. 140.

дителей, по окончании духовной семинарии, мало идут по стопам отцов... Крайняя необеспеченность духовенства, вот по нашему мнению причина, препятствующая принимать на себя священный сан. ... Идут в духовное звание всего лишь 2–3 из кончивших семинарию, и места священнические большею частью замещаются недоучками из псаломщиков или дьяконов, пробившими себе дорогу теми или иными средствами»¹. Упомянутый выше священник Иоанн Чирков на съезде окружного духовенства Карельских приходов в 1908 г. с горечью сообщал, что «весь наличный состав приходских священников Беломорской Карелии к 1 июля 1908 года представляется в таком виде: окончивших полное семинарское образование – 3, остальные 12 – низшего образования и три места не заняты. ... Главное значение имеет знание местного языка, но достоинство это принадлежит двум-трем мало-мальски знакомым с карельским языком, большинство же не знает ни карельского, ни финского языка, несмотря на то, что некоторые священники служат по двадцати и более лет в одном приходе»². Нежелание священников освоить карельский язык объяснялось очень просто. Редкий священник попадал в приходы Беломорской Карелии по своему желанию, сюда либо направляли в качестве наказания, либо привлекали к работе семинаристов, изгнанных из семинарий, как правило, за пьянство³.

Отсутствие общего языка, нищие и безграмотные священники, недостаток и запущенность храмов – такова была, в общих чертах, картина православной церкви в карельских приходах Архангельской губернии. В то же время по другую сторону границы карелы видели ухоженные храмы, священников, говорящих на понятном им языке и ведущих примерный образ жизни. Не удивительно, что финская лютеранская церковь нашла в Беломорской Карелии удобный плацдарм для своей миссионерской деятельности.

Представители лютеранской веры начинают проявлять активный интерес к «братьям по крови» уже в 1870-х гг. В это время в селах Беломорской Карелии начинают проповедовать представители одного из наиболее радикальных течений финской лютеранской церкви – лестадиане. Это течение, известное своей простотой и глубокой религиозностью, быстро распространилось в западных и центральных

¹ С. А. Р. Еще к вопросу о материальном обеспечении духовенства // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1911. № 7. С. 420.

² Св. Иоанн Чирков. Съезд окружного духовенства... С. 643–644.

³ Шикалов Ю. Г. О метрических книгах карельских приходов Кемского уезда второй половины XIX – начала XX в., а также о священниках, их составлявших // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 3. СПб., 2003. С. 315–316.

приходах Беломорской Карелии. Вот как описывает священник Иоанн Чирков их появление в своем приходе: «Секта появилась в Ухтинском приходе в 1876 году, занесена финляндцами — плотниками Карлом, Давидом и Иоанном Тауриайнен, первоначально она не имела большого влияния на ухтян, но в девяностых годах приобрела до 60 человек явных адептов и до 100 человек последователей т. н. „свободно-мыслящих“»¹. Российские власти вначале обеспокоились и даже провели несколько арестов среди «сектантов», однако в начале 1900-х гг. интерес российских чиновников к деятельности этого лютеранского «движения пробуждения» угасает, поскольку исследования показали, что лестадиане отнюдь не являлись сектантами, а их учение основывалось на глубоко моральных общехристианских принципах².

Было бы, однако, преувеличением говорить о том, что все беломорские карелы стремились к «финской» вере. Не следует забывать, что этот регион находился под влиянием старообрядчества. Старообрядцы бежали в карельские леса еще во времена Никона. Особенно широко старая вера была распространена в восточных районах Карелии, граничащих с Поморьем, где старообрядческие традиции имели мощные корни. Кроме того, влияние старой веры было очень высоко на северо-западе и юго-востоке Беломорской Карелии, в местах, где до середины XIX столетия действовали Топозерский и Выгорецкий скиты³.

Старообрядцы не могли допустить и мысли о преимуществе «финской» веры. Не удивительно, что священник Логоваракского прихода, на территории которого располагался Топозерский скит, писал: «Нужно заметить, что крестьяне не скрывают своего нерасположения к затеям деятелей панфинства, желают русских школ, не уступают своих старых обычаев и против богослужения на финском языке. В приходе только трое пропагандистов из молодежи, сочувствующих офинению карел и получающих соответствующую литературу, но масса еще дорожит привязанностью к России и прежнему строю жизни. ... Логоваракские карелы, как издавна приверженные к старообрядчеству, очень религиозны, особенно пожилые мужчины и женщины»⁴. А священник Кестенгского прихода отмечал в 1907 г., что

¹ *Св. Иоанн Чирков*. Ухтинский приход в религиозно-нравственном и бытовом отношении // *Архангельские Епархиальные Ведомости*. 1908. № 7. С. 204–207.

² *Шикалов Ю.* Карельские хиххулиты — лестадианство в Беломорской Карелии в конце XIX — начале XX в. // *Православие в Карелии*. Петрозаводск, 2003. С. 137–149.

³ *Shikalov Y.* Tuhkaiset, saarelaiset sekä muut Kemin kihlakunnan vieroniekat — vanhauskoisuus Vienan Karjalassa // *Minun Bysantini kaukana ja lähellä*. Jyväskylä, 2005. S. 175–191.

⁴ *N. Логоваракский* приход // *Архангельские Епархиальные Ведомости*. 1910. № 3. С. 95–96.

склонность местных карел к старообрядчеству может послужить защитой против увлечения рационалистическими учениями. По данным священника во время «панфинского» движения кестенгские прихожане к нему не проявляли никакого интереса¹. По сведениям священника Ладвозерского прихода, расположенного в непосредственной близости от границы Финляндии и тоже известного своими старообрядческими настроениями, его прихожане были «крепко убеждены, что помимо православной церкви нет спасения, а потому на финских проповедников не обращают внимания». Священник писал, что «такое настроение прихожан представляет отрадное явление, особенно если принять в расчет пограничное положение прихода, близость соседей лютеран и заработки среди них»². Подобных примеров, отражающих весьма прохладное отношение старообрядцев к деятельности финских проповедников и активистов, довольно много³.

Такова была, в общих чертах, картина религиозной жизни в Беломорской Карелии к началу реформ первой русской революции. Старообрядцы здесь уживались с представителями одного из самых радикальных течений лютеранской церкви, а древние пережитки языческой веры соседствовали с христианскими иконами. И все это на фоне весьма слабого авторитета официальной церкви. Не удивительно, что финские активисты увидели в Беломорской Карелии обширное поле для миссионерской деятельности, а реформы 1905–1906 гг. открыли путь для этой миссии.

«Лютеранский поход в Карелию»

Революция 1905 г. заставила правительство России изменить конфессиональную политику. «Высочайший указ об укреплении начал веротерпимости», или, иными словами, «Манифест о веротерпимости», обнародованный 17 апреля 1905 г., в корне изменил положение православной церкви в России⁴. До этого указа переход из православного вероисповедания во всякое иное был запрещен государственными законами, и «совратившихся» в другие веры православная церковь считала «заблуждающимися», которые непременно должны были быть возвращены в лоно православия. Апрельский указ отменял этот

¹ *Н. Кестенгский приход* // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 18. С. 630–631.

² *Н. Ладвозерский приход* // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 20. С. 676–677.

³ *Витухновская М. А.* Указ. соч. С. 155–156.

⁴ История России. М., 2001. С. 348–349.

запрет. Основная мысль указа заключалась в следующем параграфе: «Отпадение из православной веры в другое христианское вероисповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий»¹. Таким образом, манифест о свободе вероисповеданий ослаблял официальный приоритет Русской православной церкви в Беломорской Карелии и давал финской лютеранской конфессии шанс в борьбе за души карельских крестьян. Финские проповедники получили возможность вести миссионерскую работу в среде «братьев по крови», чем они незамедлительно и воспользовались. Начался «лютеранский поход в Карелию».

Финские газеты начинают активную кампанию, содержащую призывы к проведению миссионерской деятельности среди «братьев-карел». По словам учителя М. Бубновского, совершившего путешествие в Беломорскую Карелию в начале XX в., финские газеты опубликовали призывы следующего содержания: «Карелы вверены нам, мы их ближние, какой другой народ обязан послать к ним евангелистов, как не мы – их родное племя. Да воистину будет стыдно нам, если другие, а не мы, финны, отправимся с проповедью в Карелию»².

Необходимо, однако, отметить, что целью этой кампании провозглашалось вовсе не переманивание карел из православной веры в лютеранскую, а, в первую очередь, разъяснение карелам сути христианской веры. Как писал в газете «Kotimaa» («Отечество») один из активистов финского национализма, лектор Сортавальской учительской семинарии Бокстрём, «Карелия нуждается в духовном пробуждении», однако «опыт показывает, что для лютеранской церкви нет никакой ни выгоды, ни чести в тех „обращенных“, которые меняют церковь без истинной нужды в вере и духовной потребности, а лишь по общественным либо иным причинам». По его мнению, проповедникам, целью которых было переманивание карельских крестьян из православной в лютеранскую веру, не следует даже появляться в Карелии, поскольку главная цель миссионерской деятельности заключалась в несении истинной веры в Господа, а не в смене вероисповедания. Посему проповедникам следовало действовать не от имени какой-либо церкви или секты, а «от имени Иисуса»³. Таким образом, можно сказать, что опасения православной церкви о «переманивании» при-

¹ Булгаков С. Настольная книга для священно-церковно-служителей. М., 1993. С. 1009–1010.

² Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13. С. 403.

³ В. В. Karjalan lähetys // Kotimaa. 1906. N 145.

хожан в лютеранскую веру были, в общем, напрасны. Однако не следует забывать, что все преимущества финской лютеранской церкви (язык, проповеди, понятные карелам, ухоженные храмы и т. п.) были настолько явными, что они наверняка заставляли задумываться некоторых карел о смене вероисповедания даже без прямых призывов.

Являлась ли эта миссионерская деятельность финских активистов организованной и масштабной? Некоторые из современных исследователей пишут, что «сотни лютеранских и лэстадианских проповедников буквально наводнили маленькую Беломорскую Карелию»¹, однако это не соответствует действительности. Нигде в литературе не упоминается о «сотнях проповедников», обычно речь идет лишь об отдельных случаях появления лютеранских миссионеров, как правило, в приграничных карельских деревнях. М. А. Витухновская, подробно осветившая этот вопрос в своей диссертационной работе, указывает, что вся миссионерская деятельность ограничивалась поездками в Карелию небольших групп финских проповедников². Так, например, по сообщению священника из Войницкого прихода, расположенного на границе с Финляндией, приход в 1907 г. «подвергался опасности лютеранской проповеди»: в апреле и июне 1907 г. в село приходили три лютеранских проповедника, «которые собирали карел слушать объяснение Евангелия и для пения псалмов»³.

В период 1906–1907 гг. финские миссионеры еще могли свободно перемещаться по Российской Карелии. Однако уже в конце лета 1907 г. во всех населенных пунктах Карелии был объявлен запрет на всякую политическую пропаганду и начались преследования проповедников. Их ловили и высылали обратно в Финляндию, а некоторые из них попадали под арест⁴. Скорее всего, арестовывали лишь тех проповедников, которые вели себя слишком вызывающе. Вот пример одного такого случая. В финской газете «*Suomen Viikkolehti*» («Финский еженедельник») в 1907–1908 гг. был опубликован подробный отчет о путешествии финских миссионеров Каарло Валесмаа и Пекки Латту в Беломорскую Карелию летом 1907 г. Во время своего путешествия эти проповедники проводили религиозные собрания в карельских деревнях. В Ухте проповедники были задержаны, и им было объявлено, что в Карелии запрещено проводить собрания даже русским,

¹ Белобородова И. Н. «Сектантство» в Архангельской Карелии // Свеча-99. Архангельск, 1999. С. 33.

² Витухновская М. А. Указ. соч. С. 126.

³ Н. Войницкий приход // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 19. С. 651.

⁴ Витухновская М. А. Указ. соч. С. 275–277.

а проповеди Евангелия имеют право проводить только священники. Затем был составлен протокол, и финнам было предписано отправиться домой, в Финляндию. Миссионеры, однако, поступили весьма хитрым образом. Они добрались до границы и, утешая себя тем, что одно путешествие закончено и предписание полиции выполнено, немедленно повернули обратно в Карелию. Так они вновь пропутешествовали, проповедуя, через всю центральную часть Карелии и добрались до уездного города Кеми, где и были вновь задержаны уже знакомыми им полицейскими чиновниками. Чиновники были немало удивлены такой наглостью проповедников и в этот раз отправили их домой через Архангельск и Петербург¹.

Деятельность финских проповедников была направлена, прежде всего, на западные и центральные регионы Беломорской Карелии, жители которых были тесно связаны с Финляндией как торговыми, так и родственными узами. В этих районах был самый большой процент «коробейников», самое лучшее знание финского языка и самое большое количество смешанных браков². Как уже упоминалось, жители восточных старообрядческих регионов Беломорской Карелии весьма прохладно относились не только к «финской», но и к официальной русской церкви, и их не интересовали финские пропагандисты. Кроме того, крестьяне восточных районов Беломорской Карелии экономически больше зависели от Российского Поморья, чем от Финляндии, и поэтому больше тяготели к России, чем к «братям по крови». Учитель Бубновский подразделял Архангельскую Карелию «в силу этнографического и экономического положения» на две части — западную, или Финскую, и восточную, или собственно Беломорскую Карелию. Бубновский был совершенно прав в своих наблюдениях и отмечал, что жители «Финской Карелии» почти не понимали русского языка и знали финский язык «не хуже своего», в то время как жители восточных регионов Архангельской Карелии практически все говорили или понимали русский язык³.

Центром деятельности финских миссионеров становится село Ухта, негласная «столица» Беломорской Карелии, известная своими тесными связями с Финляндией. Вот как описывал деятельность «финских пропагандистов» ухтинский священник Чирков: «Село Ухта — центр Кемской Карелии и на него главным образом обращено

¹ K. V. Veljeskansaa katsomassa // Suomen Viikkolehti. 1907. N 43; 1908. N 9.

² Лютеранский поход в Карелию // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1906. № 21. С. 656–657.

³ Бубновский М. И. Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13, С. 412; № 15. С. 462–463.

внимание пропагандистов из Финляндии, имеющих целью объединение с карелами и отделение Карелии от России. В Финляндии для этого образовалось, как известно, общество „Союз Беломорских карелов“, издающий печатный орган „Карельские разговоры“, рисующий деятельность православного карельского духовенства и русских деятелей в весьма мрачных красках, несогласных с действительностью. Свыше десяти финских изданий высылаются сотнями экземпляров бесплатно во все карельские деревни...»¹.

Союз беломорских карел, упомянутый Чирковым, как известно, был создан в 1906 г. профински настроенными финскими и карельскими активистами и представлял собой националистическую организацию. В уставе Союза говорилось, что основной задачей деятельности этой организации является «подъем духовного и материального состояния карел»². Союз раздражал местную церковную администрацию, хотя, по мнению деятелей русской церкви, это «культурно-просветительное движение» беломорских карел не затрагивало особенно интересов православия. Опасность, тем не менее, существовала, поскольку «религиозное развитие» беломорских карел оценивалась как весьма низкое, а их вера характеризовалась как «открытая для всяких влияний». Святые отцы били тревогу, поскольку видели, что в лютеранских кругах ситуация с религиозностью беломорских карел была оценена как весьма благоприятная для проведения миссионерской деятельности³. А организации, подобные Союзу беломорских карел, еще больше склоняли карельское население к финскому образу жизни. Поэтому православная церковь вынуждена была начать борьбу «за души карел». Как писал учитель Бубновский, последствия финской миссионерской деятельности могли бы быть «крупными» и «реальными», если бы не «дружный отпор, который проявило при содействии гражданских властей и полиции православное карельское духовенство»⁴.

Православная церковь в борьбе против финского влияния

После уступок 1905–1906 гг. российские власти спохватились и начали принимать решительные меры по пресечению деятельности

¹ *Св. Иоанн Чирков*. Ухтинский приход... С. 208–209

² *Ranta R.* Vienen Karjalaisten Liitosta Karjalan Sivistysseuraksi v. 1906–1922. Tampere, 1997. С. 18–20, 25, 32–40.

³ Лютеранский поход в Карелию. С. 659–661.

⁴ *Бубновский М. И.* Контур Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1914. № 13. С. 403.

финских миссионеров в Карелии. Как уже отмечалось, проповедники, замеченные в нарушении запрета «проповедей Евангелия», преследовались и высылались за пределы Карелии. Некоторые из них, особенно упорные в своей деятельности, объявлялись лицами вне закона, и им запрещалось проживание в Архангельской и Олонецкой губерниях¹. Не отставало от полиции и местное церковное руководство. «Опасность велика. На наших глазах сотни православных карел изменили уже святым заветам православной церкви и отпали от молитвенного общения с нами, и Бог знает, будет ли конец этим отступлениям, если не подоспеет скорая и сильная помощь» — так писало Карельское Православное Братство в своем обращении в 1908 г.²

Полное название Карельского Православного Братства звучало как Архангельское православное беломорско-карельское братство во имя св. Михаила. Постановление о создании в Карелии православной «миссионерско-просветительской» организации было принято на съезде представителей Олонецкой и Финляндской епархий в январе 1907 г. в Видлице, в «противовес лютеранской пропаганде в Финской, Архангельской и Олонецкой Карелии» и «для приобщения к православию взрослых прихожан». Эта организация была учреждена в феврале 1908 г.³ Создание Братства было ответом православной церкви на создание Союза беломорских карел.

В этот период обнажились противоречия, существовавшие между руководителем православной епархии Финляндии архиепископом Сергием и епископом Архангельским и Холмогорским Иоанникием, в ведении которого находились приходы Беломорской Карелии. Разногласия между Сергием и Иоанникием возникли по поводу устава Карельского Братства. Иоанникий хотел поставить Братство под контроль Архангельской епархии, в то время как Сергей считал, что подобное требование затруднит деятельность Братства в связи со сложностью коммуникаций и сведет на нет всю идею организации, направленную, в первую очередь, на оперативную деятельность. Между этими двумя архипастырями были и другие разногласия, касающиеся «инородческой» политики. В результате на свет появились два церковных братства: в декабре 1907 г. в Кемии было открыто отделение Георгиевского Православного Карельского Братства, а в феврале 1908 г. в Архангельске учреждено Архангельское Братство во имя

¹ Витухновская М. А. Указ. соч. С. 277–278.

² Обращение Карельского Братства // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1908. № 1. С. 8–9.

³ Merikoski K. Taistelu Karjalasta. Helsinki, 1939. S. 145.

св. Михаила. Первое действовало на территории Олонецкой и Финляндской епархий, а второе — на территории Архангельской епархии¹.

В Обращении Карельского Братства говорилось: «Православно-русские деятели всех трех Карелий откликнулись на... вопиющие нужды Карелии и, веря, что в единении сила, решили объединиться в особый союз, под названием „Православного Карельского Братства во имя св. Великомученика и Победоносца Георгия“... Братство ставит своей целью воспитание карел в твердой преданности православной церкви и неразрывном единстве со св. Русью. По мере своих сил и средств оно будет оказывать поддержку бедным Карельским церквям и приходам, содействовать поднятию и улучшению церковного пения, издавать, переводить на карельский язык и распространять среди карел св. Писание, вероучительные брошюры и молитвенники, поддерживать существующие школы и открывать новые, содержать катехизаторов и книгонош, содействовать облегчению острой материальной нужды бедных карел пособием погорельцам, круглым сиротам, учреждением домов трудолюбия, приютов, богаделен, яслей и пр.»² Как видно из этого обращения, на первое место ставились именно поддержка и укрепление карельских приходов, в стремлении сделать православную веру близкой и понятной для местного населения. Одним из основных вопросов в этом плане был вопрос о языке богослужений.

Вопрос это, как уже говорилось, был одним из самых больных в деятельности русской православной церкви в Беломорской Карелии. Любопытно, как быстро менялось отношение к финскому языку в среде священников. Наиболее ярким примером в этом служит иеромонах Киприан, являвшийся одной из ведущих личностей в борьбе против «лютеранского нашествия» в Карелии. Еще в самом начале периода реформ в декабре 1906 г. в Ухте состоялся съезд духовенства Архангельской и Финляндской епархий. На этом съезде была впервые произнесена проповедь на финском языке, который был близок и понятен жителям Ухты. Иеромонах Киприан тогда горячо поддерживал сторонников богослужений на финском языке. Однако уже во время своего обратного пути со съезда он ознакомился со свежими русскими газетами и понял, что политика вновь меняет курс к русификации. После чего Киприан становится ярким противником финского языка³. Едва ли это было минутным «озарением», скорее всего

¹ Витухновская М. А. Указ. соч. С. 165–167.

² Обращение Карельского Братства. С. 8–9

³ Витухновская М. А. Указ. соч. С. 138–142; Merikoski K. Op. cit. S. 139–144.

Киприан увидел, путешествуя по Карелии, что попытка перевода богослужений на финский язык вряд ли укрепит позиции российского православия в Карелии, скорее наоборот — может привести к обратным последствиям. После этого иеромонах Киприан становится ярким ревнителем русификации карельского населения и не сходит со своих позиций до самой смерти, последовавшей в 1914 г. Для «фенно-манов» фигура Киприана превратилась в символ реакции и гнета российской церкви¹.

По всей видимости, после поворота российской администрации от реформ к реакции пастыри карельских приходов находились в полном недоумении. «Было бы лучше, если бы установилось нечто определенное к данному вопросу. Если ставить цели обрусения карел и сближения их с коренным русским населением, что было прежде, тогда нужно побольше школ и в них тоже держаться одного направления, поскорее соединить Карелию дорогами с Поморьем и выработать другие меры для усиления русского влияния на карел; если совершать богослужение по-карельски, то необходимо, волей неволей, допустить и финский язык, и литературу на нем, и в школах знакомить с этим языком, а употребляющих язык и защищающих его употребление не преследовать», — так писал в своем рапорте священник из села Кестенги. Этот священник, хорошо знавший карельский язык и проводивший на нем «понятные народу поучения», отказался от дальнейшего употребления языка, «заслышав о тех печальных последствиях, которыми сопровождалось новаторство в области богослужебного языка в Ухтинском приходе»². Таким образом, реформы так и не смогли осуществиться в приходах Беломорской Карелии.

Представители приходов Беломорской Карелии вновь собрались на съезд в июле 1908 г. Вот как описывает это событие священник Иоанн Чирков: «15 июля сего года во 2-м Кемском благочинии, состоящем исключительно из карельских приходов, состоялся первый съезд окружного духовенства, на который собралось из 9 наличных настоятелей приходов — 7 и 4 псаломщика из 10-ти. ... Но на таком съезде не только желательно, но и необходимо было бы участие, если не всего состава Карельского братства, то, по крайней мере, его представителя. ... Главнейшие постановления окружного съезда заключаются в пожеланиях: 1) чтобы отделение карельского братства находилось внутри самой Карелии, а не в городе Кемии, отдаленном от

¹ Merikoski K. Op. cit. S. 174—178.

² N. Кестенгский приход. С. 630—631.

границ Финляндии. Местное карельское духовенство знает действительные нужды карел и потребность религиозно-нравственного просвещения их; оно могло бы приносить вовремя необходимую помощь и привлекать карел принять участие в деле, служащем для блага их. 2) чтобы противо-сектантский миссионер имел постоянное жительство в селе Ухте, как центральном пункте Беломорской Карелии и зараженном сектантами „Ушковайзет“ (фин. „uskovaiset“ или „верующие“ — так называли себя лестадиане. — *Ю. III.*), для противодействия которым специально учреждена и должность особого миссионера: ввиду частого появления в карельских приходах лютеранских проповедников, местные священники, по неопытности в полемике с ними, а также по дальности расстояний приходов, не имеют возможности дать противнику надлежащий отпор»¹. Эти пожелания отчасти были выполнены. К примеру, в 1910-х гг. в Архангельской епархии и, в частности, в карельских приходах весьма активно действовала «епархиальная миссия против расколо-сектанства», отчеты которой регулярно публиковались в местной печати.

Мы не станем останавливаться подробно на других аспектах деятельности русской православной церкви и российской администрации в Беломорской Карелии, направленных на борьбу с финским влиянием. Такие вопросы, как организация школ и развитие экономики края, требуют отдельного рассмотрения. В заключение приведем цитату из статьи священника Юшкозерского прихода, опубликованной им в 1912 г.: «Как и все карелы, прихожане — народ сметливый, но малоразвитый, и в то же время обладающий изумительной способностью к изучению языков. Через год проживания в Финляндии почти каждый карел вполне усваивает финский язык и отчасти шведский... Учащиеся на второй год обучения удовлетворительно для инородцев начинают объясняться по-русски ... Можно надеяться, что уже скоро и русский язык в нашей Карелии получит право гражданства, совершится важный шаг по пути обрусения, особенно же ускорит этот процесс ожидаемая дорога, и тогда финские сепаратисты уже не найдут почвы мечтать о слиянии с карелами»².

Приведенные строки хорошо характеризуют дальнейшую политику России в отношении беломорских карел. Русскоязычные школы, развитие российской экономики в регионе, развитие коммуникаций — таким видели путь русификации Карелии российские политики и

¹ *Св. Иоанн Чирков. Съезд окружного духовенства... С. 643–644.*

² *А. П., св. Юшкозерского прихода. Юшкозерский приход, Кемского уезда // Архангельские Епархиальные Ведомости. 1912. № 5. С. 133.*

руководители церкви. Вспыхнувшая в 1914 г. мировая война и последовавшие за ней события лишь ускорили процесс «обрусения» карел, одновременно отодвинув далеко на задний план борьбу церковей за «карельские души». Молодой русский священник, строящий церковь в Юшкозере в конце XX в., вряд ли знал, что он повторяет мысли иеромонаха Киприана, однако он хорошо знал позицию русской православной церкви в этом регионе. События начала XX в. показали, что позиция эта отнюдь не всегда была незыблемой.